

текст, а также подтверждает первое сообщение. В обоих случаях историку не надо было ничего выдумывать в прямом смысле слова: оба известия «Истории Российской» — плод интерпретации, осмысливания фактов источников, стремления сделать текст ясным, связать отрывочные данные летописи. Но необходимо отметить, что свои сообщения Татищев создал в виде реальных летописных записей, используя для этого стиль и язык русских летописей. Естественно, вводом новых сообщений историк нарушал равновесие в системе фактов источника, который был основой для написания данной статьи, поэтому ему потребовалось провести значительную редакторскую работу по согласованию и обоснованию двух своих сообщений со всем комплексом фактов летописи.

В связи с изложенным следует признать невозможность использования разобранных «татищевских известий» статьи под 1113 г., а также связанных с ними в качестве источника по истории Древней Руси. Стремление же интерпретировать источник и объяснить его сообщения, выявленная редакционная работа — все это свидетельствует о том, что В. Н. Татищев был не переписчиком летописей, копировавшим их, а исследователем, творчески подходившим к историческому материалу.

В. В. АНАНЬИЧ, Р. Ш. ГАНЕЛИН

О ДОСТОВЕРНОСТИ ОДНОГО ДОКУМЕНТА ИЗ АРХИВА М. К. ЛЕМКЕ

(М. П. Драгоманов в «Вольном слове»)

Малозначительный на первый взгляд вопрос о роли М. П. Драгоманова в «Вольном слове» на протяжении нескольких десятилетий является предметом научного спора, то затухающего, то возобновляющегося. Это и побудило нас выступить со статьей «С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и „Вольное слово“», в которой мы воспроизвели копию письма М. П. Драгоманова к С. Ю. Витте 15 мая 1882 г., снятую собственноручно М. К. Лемке.¹ Наша статья вызвала критические замечания А. Дейча, который объявил указанное письмо М. П. Драгоманова подделкой.² Ту же точку зрения отстаивает группа ученых в статье «Чия це фаль-

¹ Исследования по отечественному источниковедению, Л., 1964, стр. 163—178.

² Вопросы литературы, 1965, № 5, стр. 200—201.

шивка?».³ Рассмотрению доказательств подложности письма Драгоманова, приведенных нашими оппонентами, мы посвятили свой ответ на эту статью, однако редакция «Вітчизны» отказалась его опубликовать.

Возвращаясь к вопросу о достоверности интересующего нас документа, мы предприняли в настоящей работе попытку выяснить роль М. П. Драгоманова в «Вольном слове» независимо от его письма к Витте 15 мая 1882 г., а затем рассмотреть это письмо в сопоставлении с некоторыми документами, бесспорно принадлежащими перу Драгоманова.

События 1 марта 1881 г., всколыхнувшие всю Россию, вызвали не только сплочение сил в правительственном лагере, но и общую атаку «охранителей» с применением самых разнообразных методов борьбы против революционного движения, начиная с полицейского сыска и кончая организацией сложной системы литературной провокации в России и за границей. В этой атаке особое место было отведено «Святой дружине», добровольной конспиративной организации, созданной в марте 1881 г. представителями придворной аристократии. К числу организаторов, а затем и руководителей «Дружины» принадлежали министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков, граф П. П. Шувалов, князь А. П. Щербатов и другие влиятельные лица из окружения Александра III. «Дружина» просуществовала всего два-три года, и ее роль в политической жизни России 80-х годов оказалась ничтожной. Однако провокационная деятельность «Дружины», особенно в сфере идеологической, не прошла бесследно. И, пожалуй, можно увидеть как известную связь между «Дружиной» и «полицейским социализмом» начала XX в., так и ее духовное родство с «Союзом русского народа».

Система организованной «Дружиной» литературной провокации остается уникальной в истории России по своим масштабам и замыслу: ведь она зародилась не в недрах полицейского ведомства, а была изобретена энтузиастами сыска, не жалевшими ни сил, ни средств для оживления и усовершенствования казенных методов полицейской провокации.

Особая роль принадлежала здесь графу П. П. Шувалову — автору своеобразного плана использования печати для «воздействия на настроение общества». Шувалов считал недостаточным влиять на общественное мнение с помощью одной газеты, пользующейся «славой официального органа правительства», или издающейся по программе, «вполне совпадающей с политической программой правительства», или, наконец, «ищущей и популярности, и благоволения начальства» и даже уснащенной «канцелярскими изделиями благонамеренно-либерального оттенка». «Для действительного воздействия на общественное мнение, —

³ Вітчизна, 1965, № 8, стр. 167—174.

утверждал он, — требуется целая система газет, из коих одна служила бы сплочению охранителей, а прочие к разъединению противоправительственных партий». ⁴

Если этот план Шувалова и не был принят к постановке в общероссийском масштабе, то он все же получил практическое применение в той войне, которую «Дружина» с первых дней своего существования объявила «Народной воле». Для осуществления направленной против народофильского движения литературной провокации «Дружина» успела «открыть три печатных периодических органа», «совокупное действие» которых было рассчитано на то, чтобы «дискредитировать в революционных сферах народофильское (террористическое) учение», породить сомнения в его практической применимости, «вызвать искусственные ссоры между членами партии» и вести дело к ее расколу. С помощью провокационных газет «дружинники» надеялись и «значительно расширить» свои сведения о революционном движении, и «проникнуть в высшие его слои, недоступные для простого полицейского сыска». ⁵

Из трех газет одна — «Московский телеграф» — издавалась легально в России, а две других — «Вольное слово» и «Правда» — начали выходить осенью 1881 г. в Женеве, центре русской революционной эмиграции. Каждая из газет имела особое задание и соответственно ему политическое направление. В системе литературной провокации ведущая роль отводилась «Вольному слову», которое, выступая с критикой «Народной воли» под флагом «умеренно революционного движения», «должно было дать нужную аргументацию всем колеблющимся в народофильской партии силам, для естественного их отделения от партии». ⁶ Задача «Правды», объявившей себя газетой крайне левого направления и с этих позиций открывшей полемику с «Вольным словом», состояла в том, чтобы в целях дискредитации нарочито утрировать народофильскую программу, доводя ее до нелепостей. Наконец, «Московский телеграф» должен был поддерживать версию о реальном существовании в России «Земского союза», фиктивной организации, органом которой объявило себя «Вольное слово». ⁷

Эта сложная система литературной провокации была тщательно законспирирована и долгие годы оставалась до конца не раскрытой. Революционная эмиграция разоблачила провокационное происхождение «Правды», выдавшей себя неправдоподобной

⁴ М. К. Лемке. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой, 1881—1882). По неизданным документам. ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, стр. 594, л. 628.

⁵ См. «Отчетную записку» «Дружины», опубликованную П. А. Садиковым в «Красном архиве» (1927, т. 2 (21), стр. 209—210).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

«революционностью». Деятельность «Московского телеграфа» не обратила на себя внимания современников. «Вольное слово» вызвало многочисленные предположения женеvской эмиграции о связях газеты со «Святой дружиной». Однако бесспорных доказательств не было, умеренно-либеральный тон газеты, а также участие в ней видного украинского публициста и общественного деятеля М. П. Драгоманова⁸ сбивали с толку не только современников, но и многих исследователей, писавших позднее о «Вольном слове».

Подлинные цели и характер этого издания, выдававшего себя за земский орган, так и остались неизвестными революционной эмиграции, однако многим ее представителям происхождение вдруг появившейся в Женеве в августе 1881 г. газеты показалось сомнительным после выхода первых же номеров «Вольного слова». Да и руководство «Дружины», часто прибегавшее к системе «двойной провокации», способствовало, как это ни парадоксально, распространению слухов, компрометировавших это издание.

Еще в сентябре 1881 г. разоблачением «Вольного слова» занялась женеvская газета «Общее дело». По мнению В. И. Засулич, редакция «Общего дела» могла иметь сведения относительно характера «Вольного слова» от доктора Н. А. Белоголового.⁹ Сведения о самой «Дружине» «Общее дело» получило через Белоголового от М. Е. Салтыкова-Щедрина, которому их сообщил М. Т. Лорис-Меликов.¹⁰

Наконец, в одном из документов «Дружины», относящемся, правда, к июню 1882 г., содержится сообщение о том, что «Дружина» пыталась сделать одного из своих агентов редактором «Общего дела».¹¹ Это может служить поводом для предположе-

⁸ В передовой статье № 37 (15 мая 1882 г.) «Вольное слово» объявило себя органом «Земского союза». С № 1 (8 августа/27 июля 1881 г.) по № 51 (23 декабря 1882 г.) оно издавалось без указания имени редактора, в № 51 было сообщено, что редактирование переходит к М. П. Драгоманову.

⁹ В. Засулич. «Вольное слово» и эмиграция. Современник, 1913, № 6, стр. 182.

¹⁰ Н. Мещеряков. Н. А. Белоголовый и газета «Общее дело». В кн.: Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, вып. 2, 1939, стр. 66—70.

¹¹ В «Докладной записке о настоящем положении и деятельности „Святой Дружины“, датированной 10 июля 1882 г. (ЦГИА СССР, ф. 1104, оп. 2, д. 506, лл. 1—6), утверждается, что заграничная агентура «Дружины» поместила одного из лучших своих агентов редактором террористического органа «Общее дело». В одобренном руководителями «Дружины» варианте записки (ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 3291) вместо зачеркнутого «поместила» вписано «принимает меры к помещению», зачеркнуто также слово «лучших». В записке далее указывалось: «Понятно, что помощью этого органа представляется возможным оказывать значительное давление на мнение террористов». По-видимому, этот замысел остался неосуществленным. Не потому ли в «Отчетной записке» о деятельности «Дружины» нет о нем никаких упоминаний?

ния, что выступления «Общего дела» против «Вольного слова» были инспирированы «Дружиной».

Как бы то ни было, источником подозрений послужили не только слухи, но и содержание «Вольного слова». Редакция «Общего дела» обратила внимание на странное сочетание в первых же номерах новой газеты «острых» отзывов о «многих из недавно сошедших со сцены русских грандах, Макове, Лорис-Меликове, Баранове и др.» с неуклюжим восхвалением министра внутренних дел графа Игнатьева.¹² В связи с этим «новому представителю русской заграничной печати» в лоб был задан вопрос: «Какого он мнения о министре внутренних дел графе Игнатеве?»¹³

Затрагивать министра внутренних дел без специального на то разрешения свыше издатель «Вольного слова» агент «Дружины» А. П. Мальшинский, видимо, не решился, поэтому его ответ был настолько маловразумительным и беспомощным,¹⁴ что послужил редакции «Общего дела» поводом уже для прямых обвинений «Вольного слова» в провокации. В статье В. Зайцева «Теоретические основания суда над шпионами» «Вольное слово» еще до того, как Драгоманов был объявлен его редактором, было аттестовано как орган «гг. Игнатьева, Божидаровича и Драгоманова».¹⁵ К тому же «Московские ведомости» еще в сентябре 1881 г. назвали Драгоманова редактором «Вольного слова».¹⁶ Драгоманов выступил с опровержением.¹⁷

«Общему делу» «Вольное слово» ответило заметкой «от редакции» и статьей Драгоманова «Нравственность и мужество в обвинениях в шпионстве». Драгоманов писал, что заявление «Общего дела» могло бы «производить вполне соответственное текущим святочным дням впечатление балаганного дивертисмента, если бы в нем не было повторения доноса, сделанного восхваляющею политикой гр. Игнатьева газетою г. Суворина» («Новое время» сообщило о сотрудничестве в «Вольном слове» петербургского журналиста Г. С. Веселитского-Божидаровича).¹⁸

Чем же можно объяснить такое отношение М. П. Драгоманова к выдвинутым против него обвинениям? Д. И. Заславский писал, что «враждебного отношения» к «Вольному слову» «не было, если не считать кругов, близких к другому женевскому органу „Общему делу“». Сам этот орган представлялся ему неавтори-

¹² Общее дело, 1881, сентябрь, № 44, стр. 2—3.

¹³ Там же.

¹⁴ «Деятельность министра внутренних дел, — говорилось в ответе, — настолько обширна, что не может быть охарактеризована в двух словах» (Вольное слово, 1881, 8/20 сентября, № 7, стр. 2—3).

¹⁵ Общее дело, 1881, ноябрь—декабрь, № 46, стр. 10.

¹⁶ Московские ведомости, 1881, 12 сентября, № 253, стр. 3.

¹⁷ Вольное слово, 1881, 22 сентября/4 октября, № 9, стр. 10.

¹⁸ Вольное слово, 29 декабря 1881 г./10 января 1882 г., № 22, стр. 2.

тетным, а его сотрудники, за исключением В. А. Зайцева — М. К. Эллидин, А. Трусов, В. Н. Черкезов, — «фигурами скорее комическими, чем драматическими».¹⁹

Тем не менее поскольку обвинения «Общего дела» были построены на анализе материалов, печатавшихся в «Вольном слове», постольку они требовали ответа по существу. И, наконец, если не враждебное, то подозрительное отношение к «Вольному слову» в кругах революционной эмиграции росло, а обвинения в провокации продолжали поступать с разных сторон.

Так, в конце 1881 г. в Лондоне в Вольной русской типографии вышла брошюра П. А. Алисова «Вольное слово», состоявшая из двух разделов — «Отзывы о палаче» и «Отзывы о жертвах». Автор собрал из различных номеров «Вольного слова» отзывы о графе Игнатьеве и революционерах-террористах и, сопоставив их, пришел к выводу о провокационном характере газеты. Однако П. А. Алисов не пользовался влиянием в кругах русской эмиграции, и брошюра не нашла широкого отклика: имя Драгоманова продолжало служить для газеты надежным щитом. Сам же он оставил обвинения Алисова без ответа.

Драгоманову продолжали доверять. В начале 1882 г. В. И. Засулич со ссылкой на «народнический источник» сообщила ему, что издатель «Вольного слова» А. П. Мальшинский служил в III Отделении. Драгоманов отнесся к этому «без малейшего удивления», ответив, «что давно знает, что Мальшинский действительно служил в архиве III Отделения, но ни к какому сыску не имел ни малейшего отношения». «Драгоманов сказал мне, — писала В. Засулич, — что „Вольное слово“ не его орган (как многие думали) и не Мальшинского, а... я не помню, сказал ли Драгоманов „земского союза“ или просто „земцев“, но нечто земское, во всяком случае, было упомянуто. Я и теперь живо помню мину Драгоманова, когда, в ответ на мое замечание, что в выпущенных номерах „Вольного слова“ нет ничего или почти ничего о земстве, он, чуть-чуть улыбаясь и пожав плечами, ответил: „Да, но что же наше земство. Что с него взять“».²⁰ Тогда же в январе 1882 г. М. П. Драгоманов писал П. Б. Аксельроду о необоснованности обвинений, выдвинутых против А. П. Мальшинского, ссылаясь на объяснения по-

¹⁹ Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово». Былое, 1924, № 27—28, стр. 99. Это объяснение Д. И. Заславского, отчасти основанное на воспоминаниях В. И. Засулич (В. И. Засулич. «Вольное слово» и эмиграция), встретило возражения Б. П. Козьмина (см.: Б. П. Козьмин и др. Из истории русской нелегальной прессы. Газета «Общее дело». В кн.: Исторический сборник, 3, Л., 1934, стр. 163—164, 174—175). Более того, Б. П. Козьмин отмечал как заслугу «Общего дела» то, что эта газета «первой заговорила о подозрительном характере заграничного журнала «Вольное слово».

²⁰ В. Засулич. «Вольное слово» и эмиграция, стр. 181.

следнего, которые-де окончательно убедили его, Драгоманова, «в нелепости сплетен, распускаемых на „В[ольное] слово“».²¹

Сильный резонанс в среде эмиграции вызвала вышедшая в апреле 1882 г. брошюра В. Черкезова «Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами». В. Черкезов, относившийся прежде к Драгоманову «с величайшей преданностью и уважением»,²² выступил на этот раз с обвинениями М. П. Драгоманова в клевете на русское революционное движение, используя в качестве материала для обвинения его же статьи в «Вольном слове». Охарактеризовав весь журнал как «трусый и омерзительный» «по своим симпатиям, по отношению к русскому революционному движению», представляющий собою «мешанину», в которой «рядом с верноподданническими умилениями самой редакции об „общении“ державного тромбониста с народом... стали появляться вполне честные и добросовестные обозрения рабочего движения на Западе», В. Черкезов называл статьи М. П. Драгоманова «Историческая Польша и великорусская демократия», «Нечто о чистоте средств», «Нравственность и мужество в обвинениях в шпионстве» «перлом и украшением всей мешанины „Вольного слова“».²³ Особенное негодование В. Черкезова вызвала статья «Обаятельность энергии», посвященная критике терроризма и народоугодничества и обвинявшая революционеров в нечистоплотных методах борьбы.²⁴

«Не служите ли вы в „Священной дружине“? — обращался Черкезов к Драгоманову и издателям «Вольного слова». — Что преследует эта дружина? — Дискредитирование русских социалистов, внесение вражды в разные их фракции, борьбу с террористами и хранение втайне существования „Дружины“».²⁵

Резкий тон брошюры Черкезова был встречен с осуждением женевакской эмиграцией. Тем не менее к весне 1882 г. за «Вольным словом», по-видимому, прочно укрепилась сомнительная репутация. «Получаете ли вы „Вольное слово“? — писал весной 1882 г. Г. В. Плеханов П. Л. Лаврову, — здесь все считают его органом Игнатьева. Меня ужасно печалит сотрудничество там Павла (П. Б. Аксельрода, — *В. А., Р. Г.*). Правы или неправы обвинители „Вольного слова“, это другой вопрос, но раз публика относится к нему подозрительно, то и на Павла падает некоторая тень».²⁶

²¹ Из архива П. Б. Аксельрода, Берлин, 1924, стр. 58.

²² В. Засулич. «Вольное слово» и эмиграция, стр. 185.

²³ В. Черкезов. Драгоманов из Гадяча в борьбе с русскими социалистами. Женева, 1882, стр. 4, 7.

²⁴ Там же, стр. 58. Этой статье была предпослана заметка от редакции: «Нижеследующая статья „Обаятельность энергии“ принадлежит М. П. Драгоманову. Мы печатаем ее как передовую, так как вполне разделяем основные ее воззрения» (Вольное слово, 1882, 27 марта/8 апреля, № 34).

²⁵ В. Черкезов. Драгоманов из Гадяча..., стр. 58.

²⁶ Дела и дни, кн. II, 1921, стр. 92.

Статья М. П. Драгоманова «Обаятельность энергии» явилась причиной разрыва с ним чернопередельцев. П. Б. Аксельрод отказался от сотрудничества в «Вольном слове».²⁷ 20 мая 1882 г. П. Аксельрод, Ив. Бохановский, Л. Дейч, В. Засулич, Г. Плеханов выступили с открытым письмом М. Драгоманову, в котором потребовали от него объяснений по поводу обвинений, которые он выдвинул против революционеров. Ответа не последовало, хотя он и был Драгомановым написан. Вместе с уже упоминавшимся нами письмом Аксельрода и ответом ему редакции ответ Драгоманова на открытое письмо должен был появиться в № 38 «Вольного слова» под заголовком «Из эмигрантской патологии».²⁸ В частной переписке с Кравчинским Драгоманов отзывался об открытом письме с явным пренебрежением.²⁹

Отклики революционных кругов на обвинения по адресу «Вольного слова» так описывались в «перечне» Исполнительного комитета «Святой дружины» от 10 мая 1882 г.: «За границей против Драгоманова высказались: лондонский кружок (с Лавровым и Кропоткиным во главе), кружки „Общего дела“ и „Набата“; сторону Драгоманова приняли: Дебагорий-Мокриевич, Эльсниц и грузины из Парижа; Сергей Кравчинский, Куликовский, Жебунов и др. Петербургский украинский кружок с Эрастовым во главе высказался, конечно, за Драгоманова, и нет сомнения, что его сторону примут южнорусские украинофилы. Таким образом, распря между сообществом „Н[ародной] воли“ и революционерами-украинофилами обострилась до высшей степени. Нам известно из верного источника, что брошюра Черке-

²⁷ Письмо Аксельрода по этому поводу в редакцию «Вольного слова» сохранилось в виде корректуры среди бумаг М. П. Драгоманова вместе с ответом редакции (ОР ГБЛ, ф. 383, оп. 1, д. 142). Позднее М. П. Драгоманов иначе представил разрыв с чернопередельцами. В 1889 г. в № 1 начавшего выходить в Женеве под редакцией В. Л. Бурцева и В. К. Дебагория-Мокриевича журнала «Свободная Россия», в статье «Земский либерализм в России (1853—1883)», излагая историю «Вольного слова», он писал: «С течением времени обнаружилась невозможность согласия между земским самоуправлением и чернопередельческой социал-демократией, которая все больше принимала антилиберальный и централистический характер (см. особенно в 34 и 35 №№ «Письма о рабочем движении» и «Заметку от редакции»). Чернопередельческая социал-демократия была устранена из «Вольного слова», и газета приняла более цельное направление...». Об этом заявлении М. П. Драгоманова П. Б. Аксельрод писал С. М. Кравчинскому: «Надеюсь, ты не забыл, что именно Драгоманов больше всего удерживал меня от выхода из „В. С.“ и что выступил-то я после его известной статьи „Обаятельная энергия“, причем послал в редакцию мотивированное заявление о своем выходе, заявление, взятое мною обратно по настоянию Др[агоманова], а главным образом твоим» (Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 79—80). В письме В. Я. Богучарскому в октябре 1911 г. Аксельрод писал, что он был «посторонним лицом» для «Вольного слова» и для него оно было «чужим детищем» (ЦГИА СССР, ф. 1093, оп. 1, д. 264).

²⁸ ОР ГБЛ, ф. 383, оп. 1, д. 142.

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 285, л. 85 об.

зова, а также письма, полученные от разных украинофилов, окончательно убедили Драгоманова в положительно неотложной необходимости отнять у И. К. „Н[ародной] воли“ наиболее энергичных людей из украинцев, а также значительные денежные средства, поступающие к террористам из южнорусских революционеров». ³⁰

Однако, как можно понять из ставшей известной части переписки Драгоманова с Мальшинским, летом 1882 г., когда последний побуждал Драгоманова к новым активным действиям против народovolьцев, Драгоманов от них уклонился. «Что касается до „похода“ „народovolьцев“, — отвечал на одно из писем Мальшинского Драгоманов, — то надо еще выждать подробностей. Я вам скажу, что я рад воевать с ними, но не для того, чтоб побить их на-голову, а для того, чтоб или переделать их, или вызвать около них другие активные организации: вольнословские или украинские, — но если таких не будет, то пусть себе лучше народovolьцы существуют со всеми их дуростями, ибо все-таки они *(не разобрано)* царя и К^о. А потому суть дела не так воевать с Н. В., как устраивать своих». ³¹ Но ведь Драгоманов не мог себе не отдавать отчета в том, что «Вольное слово» уже вело войну с народovolьцами? ³² Как же ответил он на «открытое письмо»?

Год спустя, когда письмо было напечатано в «Календаре Народной воли», ³³ в последнем номере «Вольного слова» появилась рецензия на «Календарь», автором которой, судя по всему, был М. П. Драгоманов. В ней протест чернопередельцев и бро-

³⁰ М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, папки (22—24), стр. 812—813, лл. 858—859.

³¹ Д. И. Заславский и М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 109.

³² Этой «войне» предшествовали острые разногласия между М. П. Драгомановым и Г. В. Плехановым, вскрывшиеся еще в 1880 г. По свидетельству Р. М. Плехановой, когда она приехала в Женеву в июне 1880 г., разногласия эти достигли «своего апогея». «Я привезла с собою письмо к Драгоманову и к нашим товарищам от Питерской группы с увещаниями о совместных революционных действиях, об общем органе, — рассказывала Р. М. Плеханова. — Но ни о каких совместных действиях уже не могло быть речи. Письма Драгоманову я не передала, а написала в Петербург о причинах неисполнения мною этой миссии. Я присутствовала на двух собраниях-схватках. Схватки были жаркие, и главными борцами были Драгоманов и Плеханов» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I, М., 1934, стр. 200; См. также письмо Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову 30 мая 1880 г. Дела и дни, кн. II, Пгр., 1921, стр. 78—80). К 1882 г. положение не изменилось к лучшему. «Я очень жалею теперь, — писал Г. В. Плеханов в марте 1882 г. П. Л. Лаврову, — что я согласился участвовать в „Черном переделе“, как „органе социалистов-федералистов“. Я связан теперь в своей полемике с Драгомановым, с которым рано или поздно нам придется воевать не на жизнь, а на смерть» (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VIII, ч. 1, М., 1940, стр. 213). Об отношениях Плеханова к Драгоманову в это время см. также записную книжку Плеханова за 1880—1882 гг. (Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I, стр. 212).

³³ Календарь Народной воли на 1883 год, Женева, 1883, стр. 173—175.

шюра -В. Черкезова были представлены как выступления, не заслуживающие серьезного ответа.³⁴

В августе 1882 г. для дезинформации и разжигания конфликтов в эмигрантской среде кампанию против «Вольного слова» открыла сама «Дружина» в другой своей женевской провокационной газете — «Правде». С этой газетой оказались связанными Черкезов, Элидин и др. Однако сообщения «Правды» скоро были обесценены разоблачением ее собственного происхождения.

Так выглядела роль М. П. Драгоманова в «Вольном слове» в представлении женевской эмиграции того времени. Новые факты появились лишь через 30 лет, когда началось научное исследование этого вопроса. Первым уделил ему значительное внимание В. Я. Богучарский. Почти не располагая архивными документами, он пришел к заключению о провокационном характере «Вольного слова» и «дружинном» его происхождении. Богучарский установил, что к существовавшим в России земским организациям «Вольное слово» отношения не имело. Он допускал наличие в среде «Дружины» разных течений, в том числе и конституционалистского, к которому относил Шувалова.³⁵ Существование такого крыла, с точки зрения Богучарского, могло объяснить образ действий Драгоманова. Богучарский отметил ряд несообразностей в освещении Драгомановым его роли в «Вольном слове», но отнес их за счет «ошибок памяти».³⁶ По мнению Богучарского, Драгоманов, получая деньги на «Вольное слово» через известного земца-либерала В. А. Гольцева, был искренне убежден, что его газета является органом «Земского союза», стал жертвой мистификации, «слепо поверился Мальшинскому» («как это ни удивительно для столь замечательно умного человека»), был «заведен» в «дремучий лес».³⁷ Несмотря на очевидное старание Богучарского оградить репутацию Драгоманова, его характеристика «Вольного слова» вызвала резкие возражения Б. Кистяковского.³⁸ Защищая репутацию Драгоманова, Кистяковский опаривал утверждения Богучарского о провокационной при-

³⁴ Вольное слово, 1883, 22 мая, № 61—62. В. И. Засулич ответила на эту рецензию в «Общем деле» (1883 г., № 54, стр. 13—14). Материалы об отношениях Драгоманова с представителями революционной эмиграции в 1881—1882 гг., хранившиеся в архиве Г. В. Плеханова в конверте со сделанной В. И. Засулич надписью «Драгоманьяда», см. в сб. «Группа „Освобождение Труда“», № 5, М.—Л., 1926, стр. 72—90. См. также: С. Е. Фремов. О том, что было и чего не было. Украинская жизнь, 1915, № 11—12, стр. 105.

³⁵ В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в. Партия «Народной воли». Ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, стр. 437—438.

³⁶ Там же, стр. 416 и др.

³⁷ Там же, стр. 421, 426.

³⁸ Б. Кистяковский. 1) Страницы прошлого. М., 1912; 2) Орган земского союза «Вольное слово» и легенда о нем. Русская мысль, 1912, кн. 11.

роде «Вольного слова», настаивал на том, что издавалось оно «Земским союзом», и отводил обвинения, выдвинутые против Мальшинского. Версию Богучарского о том, что Драгоманов заблуждался, Кистяковский отвергал. «Возможно ли, чтобы... заявление «Вольного слова» о том, что оно — орган Земского союза, было наглым самозванством? — писал Кистяковский... — Предположим, что Мальшинский, который, как уверяет В. Я. Богучарский, был „темною личностью“, решился бы сделать это. Но самым близким сотрудником „Вольного слова“ в это время был Драгоманов; от него такой подлог нельзя было бы скрыть».³⁹ Это утверждение Кистяковского было логичным. И до тех пор, пока предположения Богучарского не были документально доказаны, оно служило серьезным аргументом в пользу того, что «Вольное слово» издавалось «Земским союзом». С другой стороны, если бы Кистяковскому довелось столкнуться с появившимися впоследствии документальными доказательствами провокационного характера «Вольного слова», то это же самое утверждение обязывало бы его не только согласиться с Богучарским, но и признать, что Драгоманов был осведомлен об истинной природе издававшейся им газеты.

В этой полемике, отвечавшей естественному после разоблачения Азефа и убийства Столыпина общественному интересу к вопросу о зарождении и развитии провокации, приняли участие революционеры 80-х годов и представители женевской эмиграции того времени.⁴⁰ К полному выяснению обстоятельств дела полемика, однако, не привела.

Своеобразную точку зрения высказала в письмах к Богучарскому хорошо знавшая Драгоманова А. В. Гольштейн.⁴¹ Она была готова признать, что «Вольное слово» издавалось «Дружиною» и что Драгоманов это знал. «Не сомневаюсь, что Драгоманов искренне верил в искренность конституционных стремлений тех высокопоставленных лиц, которые издавали „Вольное слово“, — писала она. — Я допускаю и хвалю Драгоманова, если он сказал себе: „они придворные аристократы, не революционеры, не демократы, но они будут добиваться конституции («русским градам стало стыдно» и т. д.), я буду им помогать своим пером, говоря, что я хочу и как хочу». С точки зрения революционной

³⁹ Русская мысль, 1912, кн. 11, стр. 62. На сходной позиции еще в марте 1882 г. стоял защищавший Драгоманова С. М. Степняк-Кравчинский. «Чтоб редакция была шпионская, это противно логике. Ведь она вся состоит из Драгоманова — Драгоманова и Драгоманова. Выходило бы, что правительство дает ему субсидию для издания своих произведений», — писал Степняк Дейчу (Л. Дейч. С. М. Кравчинский. Пгр., 1919, стр. 59).

⁴⁰ См. библиографическую справку: Д. Заславский. М. П. Драгоманов. Киев, 1924, стр. 128.

⁴¹ См. ее воспоминания о М. П. Драгоманове, написанные по просьбе Г. В. Вернадского (Новый журнал, Нью-Йорк, 1944, № 8, стр. 320 и сл.).

это был компромисс, неприемлемый для настроения того времени. С теперешней моей точки зрения это была политическая мудрость». ⁴² Богучарский признал сообщения А. В. Гольштейн «чрезвычайно ценными» и опубликовал выдержки из ее писем.

В ходе полемики болгарский литературовед и историк И. Д. Шишманов, зять Драгоманова, напечатал некоторые документы из его архива. ⁴³ Они, в частности, свидетельствовали о связях Драгоманова с графом Шуваловым, которого Шишманов считал либералом-конституционалистом. В споре Богучарского с Кистяковским осталась незамеченной статья по поводу смерти Мальшинского, опубликованная в 1899 г. в издававшейся им газете. ⁴⁴ «Вольное слово» в ней прямо не называлось, но посвященному читателю дано было понять, что оно, нападая на «отрицательные стороны русской жизни», на самом деле стояло «за интересы самодержавия». Не упоминали участники полемики и о схватке между двумя киевскими газетами в 1906 г. из-за вставки, появившейся при переводе на польский язык «Истории революционных движений в России» Туна. Вставка эта, между прочим, гласила, что «„Вольное слово“ издавал вместе с Драгомановым некто Мальшинский, агент III отделения, вероятно за деньги Игнатьева». ⁴⁵

Спор вокруг книги Богучарского имел и закулисную сторону. Вдова Драгоманова, Людмила Михайловна Драгоманова, поддерживала Кистяковского, который явился инициатором публикаций Шишманова, ⁴⁶ и пыталась повлиять на Богучарского и Гольштейн. Настаивая на реальности «Земского союза», она хотела, чтобы Богучарский заявил, что «Вольное слово» — земский орган, а Мальшинский, хотя, может быть, и «Хлестаков», но не агент «Дружины». Она ставила под сомнение подлинность упо-

⁴² В. Богучарский. Земский союз или Священная дружина. Русская мысль, 1912, № 9, стр. 87—88.

⁴³ Вестник Европы, 1913, август; 1914, январь.

⁴⁴ Народ, 1 (13) июля 1899, № 892. Впоследствии Богучарский отметил эту статью в своих черновых записках.

⁴⁵ См.: Новый век (Киев), 17 января 1906 г., № 17; 20 января 1906 г., № 20; Свобода и право (Киев), 18 января 1906 г., № 16. Вставка была отголоском обвинения в прямом сотрудничестве с полицией, предъявленного Драгоманову польским социалистом Ст. Мендельсоном в 1891 г. в журнале «Przedświt» (Л. Василевский (Плохоцкий)). Еще к вопросу о переговорах Исполнительного комитета «Народной воли» с добровольной охраной. Былое, 1907, № 8, стр. 125—127). Богучарский считал, что оно «в высшей степени несправедливое» (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 169). Об отношении самого Драгоманова к обвинениям Мендельсона см. его письмо Ю. Яворскому, датированное началом октября 1894 г., опубликованное, однако, со столь значительными пропусками, что содержание его во многом неясно (Михайло Драгоманов. Переписка, Зібрав і зладив М. Павлиц, т. I, Львов, 1901, стр. 35—37).

⁴⁶ Б. Кистяковский — И. Д. Шишманову, 15 мая 1913 г., ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 5, д. 1, л. 66.

мянутых Богучарским писем Драгоманова Мальшинскому, находившихся в распоряжении редакции «Былого».⁴⁷

Что касается подлинности писем, то Богучарский предъявил их Кистяковскому и Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, которые ее удостоверили. Содержание их он считал не компрометирующим Драгоманова. Богучарский допускал существование «Земского союза» в виде малочисленной группы, не имевшей к «Вольному слову» отношения.⁴⁸ По его словам, Мальшинский «был членом не Земского Союза, а особой группы лиц, входившей в состав Св. Дружины, но преследовавшей при этом конституционные цели».⁴⁹ Богучарский считал, что ни версия о заблуждениях Драгоманова, ни точка зрения Гольштейн не бросают на его память «никакой тени».⁵⁰ Гольштейн же твердо стояла на своем, доказывая, что версия о заблуждениях Драгоманова «не защитима»⁵¹ и даже невыгодна для его памяти.⁵²

Богучарский, продолжая исследование истории «Дружины», замыслил написать о ней книгу. Сохранившиеся подготовительные материалы к этой работе⁵³ свидетельствуют, что о провокационном происхождении «Вольного слова» Богучарский располагал бесспорными доказательствами. От В. К. Дебагория-Мокриевича он узнал, что Драгоманов сам дал тому понять о своей встрече с одним из наиболее высокопоставленных официальных лиц. По мнению Дебагория-Мокриевича, имелся в виду либо министр двора И. И. Воронцов-Дашков («набольший» Дружины), либо М. Т. Лорис-Меликов.⁵⁴

Однако результаты этих розысков Богучарского не стали достоянием гласности (он умер в 1915 г.), и только глухое упоминание о них содержится в посвященной памяти Богучарского статье П. Б. Струве, с которым Богучарский успел поделиться своими находками.⁵⁵

⁴⁷ Л. М. Драгоманова — В. Я. Богучарскому, б. д. ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 13, лл. 5—11; В. Я. Богучарский — Л. М. Драгомановой, 27 апреля 1913 г. Там же, оп. 2, д. 1, л. 1 и сл.

⁴⁸ В. Я. Богучарский — Л. М. Драгомановой, 27 апреля 1913 г. ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 2, д. 1.

⁴⁹ В. Я. Богучарский — Л. М. Драгомановой, 10 января 1913 г. (27 декабря 1912 г.). ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 13, л. 1.

⁵⁰ В. Я. Богучарский — Л. М. Драгомановой, 10 января 1913 г. (27 декабря 1912 г.). ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 13, л. 1.

⁵¹ А. В. Гольштейн — В. Я. Богучарскому, 21 октября 1913 г., 11 января 1914 г. ОР ГЛМ, ф. В. Я. Богучарского. См. там же письма А. В. Гольштейн В. Я. Богучарскому 6 и 8 января 1913 г.

⁵² А. В. Гольштейн — В. Я. Богучарскому, 28 мая 1913 г. ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 224.

⁵³ См.: ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 169.

⁵⁴ Богучарский — Дебагорию-Мокриевичу, б. д.; Дебагорий-Мокриевич — Богучарскому, 15 (28) августа 1912 г. ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 113.

⁵⁵ Русская мысль, 1915, кн. VI, стр. 145—146. Сам Струве, отвергая версию о заблуждениях Драгоманова, считал, что, «сознательно» беря на себя «риск „касания“ к правым и даже весьма правым сферам», Драгоманов

В 1915 г. появились воспоминания одного из сотрудников «Вольного слова», писавшего под псевдонимом Бен-Ами, который сообщил, что Драгоманов начал редактировать «Вольное слово» с № 37, а не № 52, в котором это было объявлено.⁵⁶

В 1916 г. был опубликован дневник дружинника генерала В. Н. Смельского, содержащий запись выступления П. П. Шувалова на заседании главного совета «Святой дружины» 23 ноября 1881 г., которая послужила документальным подтверждением подозрений относительно происхождения «Вольного слова».⁵⁷

Открывшийся после 1917 г. доступ к архивам позволил приподнять завесу над многими фактами, связанными с литературной провокацией Шувалова, Воронцова-Дашкова и К^о.

В 1919—1920 гг. над большой книгой о «Святой дружинке» работал М. К. Лемке. «Вольное слово», естественно, было подвергнуто им пристальному исследованию. В 1923 г. М. К. Лемке умер, его почти законченная работа осталась неизданной.

Удачнее сложилась судьба трудов Д. И. Заславского, являвшегося одновременно историком «Дружины» и биографом М. Драгоманова. Первая из книг Д. И. Заславского о Драгоманове отличалась известной противоречивостью. Д. Заславский признавал, что «Земский союз» был «измышлением Священной Дружины и никогда реально не существовал», Мальшинский был ее агентом и из «Дружины» «шли» деньги на «Вольное слово». В то же время он утверждал, что, «каковы бы ни были тайные замыслы Шувалова и Мальшинского, „Вольное слово“ под редакцией Драгоманова было органом земского движения».⁵⁸

М. П. Драгоманов (а не Шувалов и «Дружина») был представлен Заславским как подлинный хозяин газеты, видевший основную ее задачу в создании «активного, энергичного, хорошо организованного Земского союза».⁵⁹ При этом Шувалов оказывался в книге Д. И. Заславского конституционалистом, которого искусно использовал в своих целях М. П. Драгоманов, проявивший одновременно «излишнюю доверчивость», а никогда не существовавший, по словам самого же Д. И. Заславского, «Земский союз» вдруг превратился в небытие.⁶⁰

и Гольцев «поступали правильно, хотя успеха не имели» (П. Б. Струве — В. Я. Богучарскому, 9 ноября 1912 г. ОР ГИМ, ф. В. Я. Богучарского). С точки зрения Струве, «либеральное движение 70-х, 80-х и даже позднейших годов имело два фланга, из которых один соприкасался с консерватизмом, другой — с революционным движением». Связь между первым из этих флангов и «Дружиной» Струве считал поэтому «естественной и неизбежной». (Русская мысль, 1915, кн. VI, стр. 145—146).

⁵⁶ Еврейская старина, 1915, вып. III—IV, стр. 350.

⁵⁷ Голос минувшего, 1916, февраль, стр. 157. Богучарский успел познакомиться с дневником Смельского до его опубликования (ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, д. 169, л. 179).

⁵⁸ Д. Заславский. М. П. Драгоманов, Киев, 1924, стр. 129—132.

⁵⁹ Там же, стр. 143.

⁶⁰ Там же, стр. 129, 143—144.

В появившейся тогда же статье «Взволнованные лоботрясы» (Очерки из истории «Священной Дружины») Д. И. Заславский впервые в литературе (поскольку рукопись М. К. Лемке оставалась неизвестной) приоткрыл завесу над рядом провокаций «Дружины». ⁶¹ В частности, автор рассказал историю возникновения другого органа «Дружины» — газеты «Правда» — и дал характеристику ее издателю — провокатору Климову.

Вслед за тем Д. И. Заславский опубликовал статью «Драгоманов и „Вольное слово“», используя документы архива П. П. Шувалова и переписку между М. П. Драгомановым, А. М. Мальшинским и П. Б. Аксельродом, как хранившуюся в архиве «Былого», так и опубликованную в 1924 г. в Берлине в сборнике «Из архива П. Б. Аксельрода».

В этой статье Д. И. Заславский в значительной степени изменил свою точку зрения на Шувалова. «И Шувалов, и Мальшинский, — писал он, — служили прежде всего добровольному политическому сыску и были провокаторами по призванию, что не мешало им, конечно, стоять по-своему за конституцию». ⁶²

В распоряжении Д. И. Заславского оказался своего рода режиссерский план, по которому Шувалов намеревался поставить живую картину, изображавшую «Земский союз». «По всем признакам, — докладывал Шувалов ЦК «Дружины», — различные личности, верящие в существование (Земского союза), исключительно через посредство редакции „Вольное слово“ или же помощью Петербургской и Московской „Станции“, пожелают сойтись с более серьезными членами этого фиктивного сообщества. В продолжение некоторого времени можно будет, конечно, отклонить такого рода предложение. Но со временем придется показать им нечто вроде названного Союза. Составить такого рода союз из агентов едва ли возможно, так как, во-первых, пришлось бы в таком случае перезнакомить агентов между собою, а во-вторых, установленная фикция изображает членов союза в виде состоятельных и либеральных землевладельцев, интересующихся земским делом, что несколько не подходит под тип наших агентов. По моему мнению, всего желательнее было бы изобразить Земский Союз небольшим кружком братьев С[вятой] Д[ружины], перемешанных с двумя-тремя настоящими либералами (вроде Лихачева, Рагозина и Скалона) и т. д.» ⁶³

Этот красноречивый документ как нельзя лучше характеризовал повадки и приемы политической провокации предприимчивого шефа «Дружины» и уже не оставлял места для каких бы

⁶¹ Былое, 1924, №№ 25—26. См. также: Д. И. Заславский. Взволнованные лоботрясы. Очерки из истории «Священной Дружины», М., 1931.

⁶² Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 94.

⁶³ Там же, стр. 118. В рукописи М. К. Лемке этот документ приводится под его собственным названием «Внутренние сведения кружка „В. С.“ с 15 июля по 15 сентября» (1882 г.).

то ни было иллюзий относительно существования «Земского союза».

Переписка М. П. Драгоманова с А. П. Мальшинским представила их взаимоотношения в несколько ином виде, чем они рисовались Д. И. Заславскому прежде. Она не давала повода заподозрить Драгоманова в понимании им подлинной роли Мальшинского. Более того, она создавала впечатление самостоятельности действий Драгоманова, и Д. И. Заславский высказал мысль о том, что Драгоманов занимал не такую позицию в отношении «Народной воли», как хотелось Мальшинскому. «Драгоманов категорически отказался от травли народовольцев, — подчеркивал Д. И. Заславский, — сделать его слепым орудием в руках Св. Дружины не удавалось».⁶⁴

Вместе с тем Д. И. Заславский столкнулся с фактами, не соответствовавшими его концепции о неведении М. П. Драгомановым того, в какой компании он оказался. Драгоманову было известно «сомнительное происхождение Климова» («а от кого же мог Драгоманов получить сведения о Климове, как не от Мальшинского!» — восклицал тут же Заславский).⁶⁵ Драгоманов встречался с Шуваловым и в последний период своей деятельности на посту редактора газеты стал получать деньги прямо из России на свое имя. А тут еще «иносказательные письма» к Мальшинскому в Петербург во второй половине 1883—начале 1884 г., подписанные условным именем «К. Василенко», переговоры Мальшинского с Воронцовым-Дашковым о высылке денег Драгоманову на последние номера «Вольного слова», когда с «Дружиной» уже давно было покончено. Дать объяснения всему этому было трудно, и Д. И. Заславский всякий раз прибегал к спасительной формуле В. Я. Богучарского: «Поистине — в дремучем лесу...».⁶⁶

Между тем, судя по приведенному Заславским письму Драгоманова Аксельроду 9 января 1882 г., сам М. П. Драгоманов не видел ничего опасного для своей репутации в том, от чего так старательно оберегали ее его биографы («Я по совести не буду краснеть ни за что, написанное мною в „В. Сл.“, даже, если бы, паче чаяния, оказалось, что М[альшинский] сам Игнатьев».)⁶⁷

В 1934 г. в новой книге о М. П. Драгоманове Д. И. Заславский в значительной степени отошел от оценки взглядов и деятельности М. П. Драгоманова, содержащейся в первой его работе.

⁶⁴ Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 109—110.

⁶⁵ На самом деле Драгоманов мог получить эти сведения из другого источника: Мальшинский, как установил М. К. Лемке, и сам не знал, по крайней мере до определенного момента, что такое климовская «Правда».

⁶⁶ Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 108—109.

⁶⁷ Там же, стр. 100.

Д. И. Заславский продолжал считать, что «Вольное слово» было «прежде всего органом Драгоманова» и «политическая физиономия газеты» очень скоро стала «отражением политического облика самого Драгоманова», «каковы бы ни были источники, питавшие газету, и задачи, которые связывала с газетой Священная Дружина». ⁶⁸ Из этого, казалось бы, естественно напрашивался вывод о том, что Драгоманов использовал в своих интересах провокационный орган, созданный на деньги «Дружины», — вывод, к которому Заславский почти что пришел в своей книге 1924 г. Однако спустя десятилетие М. П. Драгоманов представлялся ему «игрушкой» в руках «придворных провокаторов». ⁶⁹ «Рукой публициста... водил грязнейший провокатор, — писал Д. И. Заславский. — Но причиной этого была совсем не мораль Драгоманова, а его политика. Он играл неприглядную роль, потому что политически неприглядной была его позиция. Выступая против революционного движения, временно разбитого, он оказался в лагере классовых врагов революции». «Драгоманов не проявил необходимой политической и общественно-моральной бдительности, — читаем мы дальше. — Он оказался, в лучшем случае, непростительно доверчив». ⁷⁰ Итак, перед читателем kaleidoscope противоречивых характеристик М. П. Драгоманова, к которому автор подходит то с моральной, то с морально-общественной, то с политической меркой.

С одной стороны, «Вольное слово» — это газета Драгоманова, с другой — Драгоманов всего лишь игрушка в руках Дружины и ее представителя Мальшинского, который водит рукой известного публициста. С одной стороны, в один лагерь с Шуваловым и другими Драгоманова привели не мораль, а политические убеждения, а с другой — попав в этот лагерь, он оказался непростительно доверчив и не проявил необходимой политической бдительности.

Д. И. Заславский по-прежнему утверждал, что «Драгоманов был обманут провокаторами „Священной дружины“» и поверил в существование «пресловутого» «Земского союза», что «Драгоманов несомненно не знал и не мог знать истинного происхождения тех денег, которые он получал через либерала Гольцева», что, наконец, он «относился к Шувалову, по-видимому, как к придворному сановнику, который пытается дипломатическими путями подsunуть Александру III проект конституции и искренне сочувствует земскому движению». ⁷¹

Но вместе с тем Д. И. Заславский писал, что «Драгоманов не

⁶⁸ Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов (к истории украинского национализма). Л., 1934, стр. 202.

⁶⁹ Там же, стр. 214, 204.

⁷⁰ Там же, стр. 212—213.

⁷¹ Там же, стр. 212, 205.

мог оставаться в неведении о том, что находится он в прямой связи с членами придворной камарильи, руководителями провокации и сыска...».⁷²

В результате получился не только противоречивый, но и во всех отношениях невыгодный для репутации Драгоманова портрет человека недалековидного и неразборчивого в средствах, легко попавшегося на удочку провокаторов. В самом деле Драгоманов знал, кто такой Шувалов и тем не менее доверял ему: со слов Шувалова поверил в существование «Земского союза», а затем довольствовался словесным же извещением Шувалова, что «Земский союз» распался, и сам не сделал никаких серьезных попыток выяснить реальное существование этой организации. Доверяя Шувалову, Драгоманов вместе с тем решительно отклонял всякие предупреждения относительно сомнительного происхождения издававшейся им газеты. С другой стороны, будучи редактором и, стало быть, пропуская через свои руки решительно все материалы, поступающие для газеты и от того же Шувалова и через другие каналы «Святой дружины», не проявил достаточной проницательности. Все это не вяжется с обликом опытного общественного деятеля и публициста.⁷³

Противоречивость во взглядах на роль Драгоманова в «Вольном слове» нашла свое отражение и в последней книге Д. И. Заславского, написанной им совместно с И. С. Романченко и изданной в 1964 г. в Киеве.⁷⁴ «Вольное слово» представлено в ней как орган «Дружины». Относительно М. П. Драгоманова в книге сказано, что он поверил Мальшинскому, будто газета издается «тайной и анонимной группой „Земский союз“». Не подозревая, какого сорта издание он взялся редактировать, М. П. Драгоманов тем не менее превратил «Вольное слово» в «трибуну для выступлений против царизма», и газета была закрыта в 1883 г. не в связи с роспуском «Дружины» и прекращением субсидирования, как принято считать, а только потому, что превратилась в орган, разоблачавший царизм.⁷⁵⁻⁷⁷ Не очень-то вяжутся со всем этим предъявленные М. П. Драгоманову упреки в том, что он «не

⁷² Там же, стр. 212, 213, 215.

⁷³ Сын М. П. Драгоманова С. М. Драгоманов посвятил второй книге Д. И. Заславского пространную рецензию «Необоснованное историческое исследование» (ОР БЛ, ф. 369, карт. 384, ед. хр. 11). См. там же переписку С. М. Драгоманова с В. Д. Бонч-Бруевичем и другими об оценке М. П. Драгоманова в исторической литературе. Интересующий нас вопрос о «Вольном слове» С. М. Драгомановым специально не затрагивался. Лишь в его письме Б. Д. Грекову 11 июня 1940 г. отмечено, что у М. П. Драгоманова была в «Вольном слове» «собственная тактика, преследовавшая цели иные, чем у „Священной дружины“» (ОР БЛ, ф. 369, карт. 266, ед. хр. 37, стр. 33).

⁷⁴ Д. Заславський, І. Романченко. Михайло Драгоманов. Київ, 1964.

⁷⁵⁻⁷⁷ Там же, стр. 126, 127, 139, 148.

проявил необходимой политической и общественно-моральной бдительности», оказался «в лучшем случае непростительно доверчивым, сурово требуя от прочих „чистоты средств“, и «не разобрался в классовой природе „Священной Дружины“». ⁷⁸ Не ясно ли, что самая необходимость для Драгоманова разбираться в природе «Дружины» неизбежно предполагает его осведомленность о связи с ней? Очевидно, авторы не очень-то уверены в собственных утверждениях о полном неведении Драгоманова.

От трудов Д. И. Заславского обратимся теперь к неизданной работе М. К. Лемке. Хранящаяся в архиве рукопись объемом не менее 45—50 печатных листов содержит сведения обо всех сторонах деятельности «Дружины» и обстоятельный анализ собранного в течение многих лет материала. М. К. Лемке обследовал личный архив графа П. П. Шувалова, архив «Дружины», архив генерала П. А. Черевина, ведавшего личной охраной Александра III и игравшего важную роль в «Дружине», архивы московского генерал-губернатора, Департамента полиции и Министерства внутренних дел, бумаги, принадлежавшие редакции «Былого». Лишь хранившиеся у И. Д. Шишманова в Софии бумаги Драгоманова остались для Лемке недоступными.

Работа М. К. Лемке и поныне представляет интерес как наиболее полная история «Дружины», содержащая документы, след которых в архивах затерялся.

В отличие от Д. И. Заславского М. К. Лемке вопроса о роли Драгоманова в «Вольном слове» касался только попутно, хотя «Вольному слову» посвящен в рукописи специальный раздел. Лемке, как и Заславский, пришел к выводу, что «Земский союз» не существовал. Но, в отличие от Заславского, он не обнаружил в «Дружине» следов конституционного крыла. Отнюдь не отрицая возможности заблуждения Драгоманова относительно реальности «Земского союза», Лемке многое здесь поставил под сомнение. Он, в частности, отрицал роль Гольцева в организации «Вольного слова» и передаче денег на его издание. На том, что Гольцев был делегатом «Земского союза», предложившим Драгоманову редактирование журнала, настаивала Л. М. Драгоманова. ⁷⁹ Лемке утверждал, что эта позиция была ей «подказана» Кистяковским, доказывая, что введение в игру Гольцева не имело для Шувалова смысла, независимо от степени осведомленности Драгоманова. «Ведь для Драгоманова Мальшинский был представителем того же самого „Земского Союза“, — писал Лемке. — Получение через него не только приказов и слов, но и денег лучше всего и способствовало убеждению в существовании фиктивной организации. Ну, а если Драгоманов знал, что его патрон на самом деле представлял не „Земский Союз“, а „Священную Дружину“, то

⁷⁸ Д. Заславський, І. Романченко. Михайло Драгоманов, стр. 130.

⁷⁹ Русская мысль, 1912, кн. 11, стр. 92.

чего же было и прикидываться на два лица, впутывая еще и Гольцева?»⁸⁰

Лемке употребил эту условную формулу, хотя был, как он заявлял в другом месте рукописи, «убежден в осведомленности Драгоманова о фиктивном характере „Земского Союза“». ⁸¹ Он отмечал намеренную неправильность в освещении Драгомановым всего, что связано с «Земским союзом».

Прежде всего это относилось к вопросу о миссии д-ра Нивинского,⁸² который был послан «Дружиной» за границу для переговоров с руководителями революционных кругов под видом делегата уже не «Земского союза», а «Земской лиги». «Земская лига», которую современники не отделяли от «Земского союза», была такой же, как и этот союз, фикцией, созданной «Дружиной», об этом писал еще Богучарский.⁸³ Ни Лемке, ни Богучарскому не было, однако, известно письмо (мы приводим его ниже), которым Драгоманов был извещен об истинной природе «Земской лиги».

В специально этому предмету посвященной статье Драгоманов не стал изображать Нивинского посланником «Земской лиги».⁸⁴ Очевидно, роль «пожилого господина», прямо обещавшего за отказ от террора созыв Земского собора, не вязалась с оппозиционным характером союза или лиги, выдавая наличие у них влиятельных покровителей. Могли возникнуть сомнения, не играли ли эти организации роль ширмы, если вообще существовали... И Драгоманов назвал своего визитера представителем не «Земской лиги», а «Добровольной охраны». Чтобы примирить свое сообщение с традиционной версией, Драгоманов начертил целую схему как земских, так и охранных организаций этих лет. Первой из них еще в конце 70-х годов была создана, по его словам, «Земская лига», охватывавшая районы Юга, затем на Севере — «Земский союз». После же образования «Дружины» и «Добровольной охраны» (в таком двуедином виде существовала «Дру-

⁸⁰ М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, лл. 1475, 1476 (стр. 1404—1405).

⁸¹ Там же, л. 1513 (стр. 1440).

⁸² Д. И. Заславский предполагал, что д-р Нивинский и охранник Клименко, действовавший под фамилией Некрасов, — одно и то же лицо. Лемке же установил, что, помимо известной миссии Николадзе, «Дружиной» были предприняты две попытки переговоров: одна — через Нивинского, вторая — через Клименко (Некрасова). Последний был управляющим киевским имением графа П. П. Шувалова.

⁸³ Для переговоров Нивинского «Дружина» приготовила подложные документы «Земской лиги», в том числе ее программу и «поручение» «Земской лиги» Нивинскому. (М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 1186 (стр. 1126) и сл.). Документы эти сохранились среди бумаг «Дружины» (ЦГАОР, ф. 1766, оп. 1, лл. 194 и сл.).

⁸⁴ М. П. Драгоманов. Воспоминание о переговорах «Добровольной Охраны» и «Исполнительного Комитета Русской Соц.-Рев. Партии» в 1882 г. Былое, Paris, 1910, № 13, стр. 34 и сл.

жина» в представлении современников, так изобразила она себя в записке, изготовленную ею самой от имени государственной полиции)⁸⁵ произошло, писал Драгоманов, «смещение понятий». К выгоде государственной полиции, Судейкина, подчеркивал он, стали говорить о «Лиге — Охране — Дружине» как об одном и том же.

Рассматривая «Воспоминание», Лемке обратил особое внимание на то, что Драгоманов назвал своего посетителя представителем «Добровольной охраны». Он указывал, что такой постановкой вопроса Драгоманов, во-первых, избегал признания близкой прикосновенности «Земской лиги» (а, следовательно, добавим мы, и «Земского союза») к правительственной власти и, во-вторых, свидетельствовал, что только при этом случае познакомился с «Добровольной охраной», а значит, и с «Дружиной».⁸⁶

Лемке отметил, что Драгоманов отрицал свое участие в составлении «Политической программы Общества Земский Союз»,⁸⁷ хотя и признавал, что она «почти буквально» совпадала с разработанным им проектом оснований устава украинского общества «Вольный союз», а также соответствовала «основным положениям» его статей в «Вольном слове».⁸⁸ Что Драгоманов не был автором программы «Земского союза», утверждал и И. Д. Шишманов. Ни Драгоманов, ни Шувалов программы не составляли, рассуждал он, следовательно, «авторы были земцы».⁸⁹

А Лемке располагал свидетельствами о составлении «Политической программы», согласно которым в «основу» ее было положено сочинение Мальшинского с «важным дополнением» Драгоманова и «непременными изменениями» самого Шувалова.⁹⁰

Анализируя передовую № 52 «Вольного слова» — «От нового редактора», Лемке усмотрел, что в ней, помимо одобрения всего сделанного предыдущим редактором, была показана несколько большая близость Драгоманова к изданию, начиная с № 37. Он

⁸⁵ Записка «О противоразительных сообществах, не столь вредных» опубликована в «Общем деле» (июль 1883 г., № 54). Обоснование ее «дружинного» происхождения см.: М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, д. 16, оп. 1, л. 1267 (стр. 1202) и сл.

⁸⁶ М. К. Лемке. Святая Дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 1143 (стр. 1083).

⁸⁷ Программа эта появилась в Женеве под таким названием отдельной брошюрой в декабре 1882 г.

⁸⁸ См. «Предварительную заметку» М. П. Драгоманова к «Опыту украинской политико-социальной программы» в его «Собрании политических сочинений», т. I, Paris, 1905, стр. 275—276, а также его «Автобиографию» (Былое, 1906, № 6, стр. 206).

⁸⁹ И. Д. Шишманов. О роли гр. П. П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов. Вестник Европы, 1914, кн. 1, стр. 202—205.

⁹⁰ Подробнее см.: Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин. Об авторстве «Политической программы Общества „Земский союз“». В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, II, 1969.

не мог не сопоставить этого со свидетельством Бен-Ами, что именно с этого номера Драгоманов стал редактировать журнал.

Лемке приводил и другие факты, подрывавшие версию о заблуждении Драгоманова. Вслед за Богучарским он отметил, что беспрепятственное возвращение Мальшинского в Россию после издания «Вольного слова» и памфлета «Не знаю к кому», выдержанного хотя и в антитеррористическом, но и в антиправительственном тоне, нелегко было объяснить, ни в чем не подозревая этого respectable проходимца.⁹¹ А Драгоманова не смутил такой поворот в карьере бывшего соратника, и он продолжал с ним переписываться.⁹²

В рукописи Лемке фигурировали и такие материалы, которые могли рассматриваться как подтверждение версии о неведении Драгоманова. Это были письма Мальшинского начальнику секретной агентуры «Дружины» Н. К. Шмиту. В письме от 27 июля 1882 г. Мальшинский просил «унять» в Петербурге брата эмигрантки О. Павелко, которая, получая из Петербурга информацию о Мальшинском, требовала от Драгоманова с ним порвать. «Драгоманов, разумеется, ничему этому не верит, но это еще более раздражает г-на Павелко; если его не унять, на что благодаря его неправильной жизни и несомненному сношению с революционерами есть много способов, то мои отношения с Драгомановым могут сделаться натянутыми», — писал Мальшинский.⁹³ В письме от 11 августа 1882 г. Мальшинский сообщал: «На днях к тому же лицу (Драгоманову, — прим. М. К. Лемке) явился из России какой-то дворянин, очевидно, имеющий доступы в столичные салоны, и, рассыпавшись в выражениях сочувствия нашему изданию, проболтался, что видел у графа Павла Петровича массу №№ нашей газеты; что граф занимается ее распространением (вот удружил-то!) и что указывал ему на Эрстова, как на человека, посредством которого можно сноситься с Драгомановым. К счастью, последний ничего не находит предосудительного в том, если граф станет на сторону Земского Союза, проникшись идеями газеты, в особенности, если искренне станет приверженцем федерализма».⁹⁴ (Итак, зная, что Шувалов — глава «Дружины», Драгоманов был готов принять его в «земцы»).

⁹¹ Там же, л. 1552 (стр. 1477).

⁹² Там же, л. 896 (стр. 844). И даже получать при его посредстве деньги (Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 108—109). Между тем Драгоманов неоднократно упрекал разоблачителей «Вольного слова» в том, что они, называя Мальшинского, «человека легального», редактором «Вольного слова», тем самым доносят на него властям (Драгоманов — Кравчинскому, 1882 г. ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, д. 285, л. 85).

⁹³ М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 920 (стр. 867); ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, ч. III, д. 3292, л. 11.

⁹⁴ М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 925 (стр. 872); ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, ч. III, д. 3292, л. 16.

Наконец, в письме от 8 октября, по-видимому того же 1882 г., говорилось: «Предусмотрительно доведенное графом П. П. до сведения эмиграции известное Вам полицейское донесение „о сообществах не столь вредных“ произвело самое благоприятное для нашего дела впечатление: сочинения исчезли, и нападавшие на нас прежде считаются „введенными в заблуждение“. Заблуждение это, как оказывается, распространялось из России, особенно деятельно Стефановичем и до его ареста. Драгоманов списал это донесение, равно как и одновременно доставленные ему сведения о кружке Маслова—Фигнер (в Одессе), и хранит его как исторический документ, радуясь поражению наших недоброжелателей».⁹⁵

Как же объяснить эти письма? Можно считать, что сообщение о готовности Драгоманова принять Шувалова в «земцы» носило чисто деловой характер. Но в остальном не были ли эти письма намеренно основаны на презумпции неосведомленности Драгоманова?

Ведь в «Дружине» существовала атмосфера глубокой секретности, таинственности и взаимного недоверия. Мальшинский и сам, хоть был представителем «Дружины» в Женеве, не сразу узнал, что такое климовская «Правда». А тут еще конкуренция с государственной полицией, от которой «Дружина» скрывала свои действия.⁹⁶ С точки зрения Департамента полиции, Мальшинский не внушал доверия, и за ним с 1883 по 1886 г. был установлен негласный надзор.⁹⁷ Мальшинский проявлял в переписке осторожность, зная, что его письма через сотрудников Шмита могут попасть в Департамент полиции.⁹⁸

Могло быть и так, что Шмит в это время не знал о характере отношений Мальшинского с Драгомановым. А если и знал, то степень его осведомленности Мальшинскому могла быть неизвестна. Не исключено, что переписка, в которой Драгоманов выглядел ничего не подозревающим, имела и перестраховочное значение. В данном случае это помогало Мальшинскому требовать от «Дружины» осторожности, так необходимой для положения Драгоманова в Женеве.

Получив письмо Драгоманова к Витте 15 мая 1882 г. и включив его копию в рукопись, Лемке внес в нее исправления, уст-

⁹⁵ М. К. Лемке. Святая Дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, л. 936 (стр. 883).

⁹⁶ Например, в донесении иностранной агентуры Департамента полиции за август 1881 г. сообщалось: «Драгоманов внезапно перешел от радикальной партии к умеренной и основал собственный еженедельный орган „Вольное слово“» (ЦГАОР, ДП, Справка 3 отделения, о М. П. Драгоманове, № 342, л. 13).

⁹⁷ Справка о Мальшинском, составленная 16 января 1901 г. ЦГАОР, ДП, III делопроизводство, № 141.

⁹⁸ Мальшинский — Шмиту, 4 марта 1882 г. ОР ГБЛ, ф. 58, оп. 1, ч. 1, п. 51, д. 25/2.

ранявшие элемент предположительности относительно осведомленности Драгоманова о фиктивном характере «Земского союза».

Он написал также не дошедшую до нас статью «За кулисами либерализма». Судя по ее подзаголовку «К биографии кадетского предтечи» и сохранившимся отрывкам, статья была посвящена Драгоманову, и он был судим в ней весьма строго.⁹⁹ Однако послужило ли новое письмо Драгоманова единственным для этого основанием, сказать трудно.

Но и независимо от этого письма можно ли считать убедительным, что Драгоманов не отдавал себе отчета относительно характера «Вольного слова», не подозревал о «дружинном» происхождении этого издания? Одно только письмо Драгоманова к Аксельроду 9 января 1882 г., нами цитированное, делает такое предположение недопустимым. Вызванное сообщением из петербургских революционных кругов «размышление зрелое», о котором пишет в этом письме Драгоманов, имело место уже в самом начале 1882 г. А письмо М. М. Стасюлевича о сомнительности происхождения «Вольного слова», предназначенное для передачи Драгоманову и оказавшееся в его архиве, было написано еще 1(13) сентября 1881 г.¹⁰⁰ Предупреждения из России приходили одно за другим. Вслед за сообщением Засулич Драгоманов получил письмо от упоминавшейся уже О. Павелко со сведениями о службе Мальшинского в III Отделении и о его связях с «Дружиной».¹⁰¹ В полученном Драгомановым недатированном письме с неразборчивой подписью также сообщалось, как «известие», «вполне достоверное, что газета „Вольное слово“ есть агент правительства» и состоит в связи с «Дружиной».¹⁰²

Близкий к Драгоманову С. Эрастов называл несколько причин, возбуждавших в революционных кругах подозрение относительно «Вольного слова», в том числе легкость его пересылки, избыток денег у его издателей.¹⁰³

Предположим, что обманутый «Дружиной» Драгоманов так и не поверил ни одному из этих предупреждений. Ведь чуть ли не на каждое из этих писем, сейчас же передаваемых им Мальшинскому, он получал от того письменный отклик, исполнен-

⁹⁹ ИРЛИ, ф. 664, оп. 1, д. 49, Приложение, лл. 17—19.

¹⁰⁰ ОР БЛ, ф. 383, д. 134.

¹⁰¹ О. Павелко — М. П. Драгоманову, 10 января [1882 г.] ОР БЛ, ф. 383, д. 121.

¹⁰² Там же, д. 125.

¹⁰³ С. Эрастов — М. П. Драгоманову, 23 мая 1882 г. ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 87. Предостережения эти исходили от петербургских народовольцев, в частности от В. Кульчицкого. «Для меня, — отвечал Драгоманов С. Эрастову, — очень важно иметь кафедру, с которой я могу говорить, что захочу. Кто же издатели — я не знаю и в это не вмешиваюсь» (С. Эрастов. «Вільне слово» та «Пан». Юбiлейний збiрник на пошану ак. М. С. Грушевського, II, Київ, 1928, стр. 476).

ный благородного негодования...¹⁰⁴ Но даже если считать, что Мальшинский всерьез старался держать Драгоманова в заблуждении и преуспел в этом, то другие лжеземцы вовсе не скрывали от Драгоманова наличия «Дружины» у себя за спиной. Не верить же им Драгоманов, разумеется, не мог независимо от того, принимал он их за настоящих земцев или нет.

А они, по-видимому, считали бессмысленным утаивать перед Драгомановым дружинное шило в земском мешке.¹⁰⁵ Вместо этого они придерживались версии об использовании земцами «Дружины» в своих интересах. Так, один из «земских» корреспондентов Драгоманова, подписавшийся словами «Ваш слуга на Салев нынешним летом» и обозначившийся инициалами П. К., писал ему из Петербурга 23 сентября 1882 г.: «Есть расчеты на многое — а как выйдет — бог знает. Есть расчеты и не маленькие и на Охрану, но она во многом встает нам и поперек горла — кстати, держите ухо востро — охрана теперь, набравши тысячи раскольников и артельщиков (нанятых в сущности) и назы-

¹⁰⁴ Получив от Драгоманова письмо Эрастова, Мальшинский писал: «Мне тем прискорбнее неудача сношения с Э—м, что Э—в украинец, а в В. С. частный интерес Украины поставлен выше общерусских интересов и лишь благодаря Вам и мне возможно было выдвинуть нашу родину на первый план в таком общероссийском учреждении, как „Земский Союз“» (Копия письма Мальшинского Драгоманову, 14 июня 1882 г. ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 118. Не является ли эта фраза косвенным подтверждением участия Мальшинского и Драгоманова в составлении программы «Земского союза»?». Прискорбие Мальшинского вызывалось тем, что всего за три дня до этого, 11 июня, он написал Драгоманову: «Кстати об Эр—ве. Дайте ему, пожалуйста, общую инструкцию во время его поездки оттягивать на месте украинцев от революционного централизма» (Там же, л. 127). Такая инструкция, идущая от Драгоманова как сторонника федерализма, выглядела вполне естественно. Вместе с тем она соответствовала видам «Дружины». Это явствует из записки Шувалова, составленной как раз накануне, 10 июня. Пункт III ее гласил: «Активное воздействие на революционную среду в смысле: а) возбуждения ссор и распрей между различными фракциями этой среды; б) распространения ложных слухов и сведений, терроризирующих революционеров, при случае успокаивающих их и вообще сбивающих их с толку; в) обвинения наиболее вредных членов партии в измене и предательстве; г) высмеивания (в мелких газетах) деятельности революционеров и дискредитирования их учений нравственности и пр.». Абзац этот, примечательный и сам по себе, особенно интересен для нас сделанной против него пометой: «Бр[ату] 127 bis принять к руководству по „В[ольному] С[лову]“» и содержащейся в сделанном к нему примечании следующей хвастливой фразой: «Влиянием на эмигранта Драгоманова и на украинофильскую редакцию газ. „Вольное слово“ удалось отторгнуть из-под главенства Исполн. Комитета „Нар. Воли“ большую часть украинской партии...» (М. К. Лемке. Святая дружина... ИРЛИ, ф. 661, оп. 1, д. 16, стр. 537; ЦГАДА, ф. 1288, оп. 1, д. 3291, ч. III).

¹⁰⁵ Можно ли себе представить, чтобы редактор, ведущий издание (а Драгоманов после отъезда Мальшинского один редактировал «Вольное слово»), был оставлен в неведении относительно его истинного характера? Ведь такой редактор по неосведомленности мог сорвать издателем все их предприятие.

вавшая себя прежде охраной и охранительной лигой, теперь возомнила о себе, что она Земская лига — так Вы не смешайте с Земским Союзом. Это очень важное №. В чем тут фокус, расскажу при свидании, надеюсь, скором — думаю в октябре побывать у Вас». ¹⁰⁶

Сообщение о создании «Земской лиги» и предупреждение «держите ухо востро», «не смешайте», казалось бы, давали Драгоманову возможность укрепиться в его заблуждении: он-то ведь был связан не с лигой, созданной «Дружиной», а с «Союзом». Но прямое упоминание о расчетах на «Дружину», которое было именно у Союза, никак не вяжется с предположением о неведении или заблуждении Драгоманова, тем более что автор письма должен был кое-что заранее рассказать своему спутнику в прогулках по Швейцарии, иначе фраза «о расчетах на охрану» была бы совершенно непонятна для адресата, обещания объяснить «фокус» при следующем свидании было тут недостаточно...

Выразителен и опубликованный И. Д. Шишмановым отрывок из письма к Драгоманову «некоего Некрасова» (очевидно, охранника Клименко), выдававшего себя за земца, из Петербурга от 26 декабря 1882 г.: «Еще можно упомянуть об одержанной Толстым победе над Охраной... Бог с ней, с Охраной, туда ей дорога; однако, благодаря ее составу из людей не особенно мудрых, земцам под ее прикрытием удалось в своих, конечно, видах несколько сплотиться. В этом заключается косвенная польза ее деятельности». ¹⁰⁷ Из этого сообщения о ликвидации «Дружины» и итогах ее деятельности Драгоманов не мог не видеть, что верить в существование «Земского союза» одновременно означало принимать, что существует этот союз под «прикрытием» «Дружины». Следовательно, должен он был понимать и то, что «Вольное слово», издаваемое пусть даже и земцами, все равно кое-чем было «Дружине» обязано... Между тем в публичных своих заявлениях Драгоманов избегал каких бы то ни было упоминаний о такой возможности, вместо того чтобы ее оспаривать. Глубокой тайной окружил он и свои отношения с Шуваловым, с которым встречался и переписывался после того, как на страницах редактируемого им «Вольного слова» Шувалов был заклеен как «видный охранец» и высмеян. ¹⁰⁸

А ведь версия лжеземцев об использовании «Дружины» в земских интересах придавала этим отношениям, казалось бы, без-

¹⁰⁶ ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 168 об.

¹⁰⁷ Вестник Европы, 1914, кн. I, стр. 207. Более полная выдержка из этого письма приведена Д. Заславским (М. П. Драгоманов. Киев, 1924, стр. 143). Предполагаем, что он пользовался копией, снятой Богучарским в архиве Шишманова.

¹⁰⁸ Вольное слово, № 51, 23 декабря 1882 г. Б. Кистяковский и И. Д. Шишманов из этого заключали, что «Вольное слово» не могло быть связано с «Дружиной».

обидный характер. Драгоманов располагал даже официальным поручением, сделанным якобы от имени земцев, «спропагандировать» Шувалова «для Земского Союза».¹⁰⁹ Но Драгоманов предпочел умолчание, не потому ли, что отдавал себе отчет в происходившем.

Допустим, однако, что Мальшинскому удавалось каким-то способом всякий раз опровергать перед Драгомановым компрометирующие «Вольное слово» сведения, шедшие со всех сторон. Не следовало бы разве Драгоманову и в этом случае перед лицом почти единодушного осуждения его позиции со стороны революционной эмиграции порвать с «Вольным словом»?

Нужны были очень веские основания, чтобы, вопреки этому всему, продолжать участие в «Вольном слове» и редактировать его. Версия А. В. Гольштейн относительно того, что Драгоманов использовал газету в своих политических интересах, соответствует некоторым его собственным высказываниям. Напомним уже цитированные слова из письма Драгоманова к Аксельроду: «Я по совести не буду краснеть ни за что, написанное мною в „В. Сл.“, даже, если бы, паче чаяния, оказалось, что М[альшинский] сам Игнатьев, мне только было бы очень жаль его самого, а не себя». Нет ли здесь следов попытки Драгоманова выразить мысль о том, что в игре, которую он и «Дружина» вели между собой, выигрывает он, а проигрывает она, что содержание «Вольного слова» не оправдывает, с точки зрения интересов «Дружины», тех денег, которые она на него тратит.

Тем же стремлением использовать в интересах своего дела все, что можно, проникнут ответ Драгоманова жене, предложившей, чтобы он взял «Вольное слово» целиком в свои руки. Драгоманов, видимо, понимал сложность своего положения и утопичность предлагаемого. Не без раздражения он отвечал: «Почему я не возьму в руки газету? — вопрос странный. Потому что ее дали в руки другие. Хорошо и то, что эти руки пригласили к участию и мои руки, а я имел возможность пригласить и еще другие. Во всяком деле надо прежде всего рассчитать, какое положение дано и неизменно, а какое изменимо, и с первым мириться, как с жарою в июле и с холодом в январе, да при этих условиях и делать свое дело».¹¹⁰

Но если сотрудничество с издателями «Вольного слова» было для Драгоманова неизбежным злом, неужели за этих издателей, создавших для него «неизменяемое» положение, принимал он безобидных «земцев»? И не слишком ли тщательно охранял Драгоманов тайну «Земского союза» даже от самых близких ему

¹⁰⁹ И. Д. Шишманов. О роли гр. П. П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов. Вестник Европы, 1914, кн. I, стр. 209—210.

¹¹⁰ Выписка из письма Драгоманова жене, 22 (название месяца неразборчиво — июня или июля) 1882 г., сделанная И. Д. Шишмановым (ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 77).

людей? Так, стоило жившему в Галиции М. Павлику уже после закрытия «Вольного слова» сообщить Драгоманову, что он коснулся в печати скандала вокруг «Вольного слова», объясняя и опровергая «обвинения вольнословцев в шпионстве», как между ним и Драгомановым возник конфликт.¹¹¹ Павлик еще до того прекратил участие в «Вольном слове» и заявил о возвращении денег «в кассу З[емского Союза]». Драгоманов негодовал, что Павлик не исполнил его просьбы «не трогать М[альшински]-ады», «а остановиться на одних принципах З[емского] С[юза]».

Павлик же недоумевал и был возмущен тем, что «ничего не дознался» у Драгоманова о «Земском союзе».¹¹² Он никак не мог понять, почему его попытки рекомендовать для введения в «Земский союз» своего представителя вызвали у Драгоманова раздражение. В письме, оставшемся неотправленным, Драгоманов объяснял: «История моя с „В. Сл.“ и З. С. такова: я сперва был привлечен, как „сотрудник по малороссийскому вопросу“. Увидев, что здесь „конспирация“ и притом в значительной мере случайная — с темноватыми помыслами кое у кого, — я решил не лезть к людям, не набиваться, а проверив только, чисто ли тут дело и в нашу ли оно пользу, выполнять свою работу самым искренним образом, положившись на то, что искренность вызовет доверие, а работа выдвинет вперед то в конспирации, что ближе всего к нашим целям, а то, что от них подальше, отомрет. Этот простой и наиболее беспретенциозный расчет, как всегда, оправдался. Понемногу я стал хозяином в „В. Сл.“, а земско-союзники стали открываться мне сами и обращаться ко мне непосредственно. Затем то же самое началось и с организациями однородными с З. С., с параллельными и такими, которые только соперикались между собой. Сеть выявилась, — позже она стала выработываться сама по себе, а затем выработывается при моем посредстве — довольно сложная, в которой собственно „В. Сл.“ только часть и не очень-то большая».¹¹³ Таким образом, Драго-

¹¹¹ М. Павлик — М. П. Драгоманову, 7 октября 1883 г. Переписка М. Драгоманова з М. Павликом, т. IV, Чернівці, 1911, стр. 217. См. также письмо М. П. Драгоманова И. Франко от 23 ноября 1883 г. (Листи до Ів. Франка і інших 1881—1886. Львів, 1906, стр. 22).

¹¹² М. П. Драгоманов — Павлику, ок. 10—15 октября 1883 г. (не отправлено). Переписка М. Драгоманова з М. Павликом, т. IV, Чернівці, 1911, стр. 221—230. «Я уважал и любил Вас больше других, — писал Павлик Драгоманову 7 октября 1883 г., — но теперь эти чувства застилают у меня только туман в голове и резкая несказанная боль в сердце» (Там же, стр. 220).

¹¹³ М. П. Драгоманов — Павлику, ок. 10—15 октября 1883 г. Переписка М. Драгоманова з М. Павликом, т. IV, Чернівці, 1911, стр. 224—225. Ср. письмо Драгоманова к З. К. Арборе-Ралли (сентябрь 1881 г.): «Что за люди издают „Вольное Слово“, сказать определенно не могу, ибо сам хорошо не разумею. Все у них темно, кроме мысли о децентрализации. Я, было, подумал, что во всяком случае они будут иметь довольно корреспон-

манов, по его словам, принял участие в создании системы организаций, связанных с «Земским союзом», хотя специфический характер «конспирации», которой окружил себя этот союз, не остался им незамеченным. И все это писалось тогда, когда «Вольное слово» уже прекратило существование в связи с распадом «Земского союза», как утверждал позже сам Драгоманов в автобиографии.

Нам известно только одно признание Драгоманова в том, что он не обманывался относительно происхождения «Вольного слова» — его рассказ В. Л. Бурцеву в 1888 г., изложенный в воспоминаниях последнего. После того как «связи Мальшинского с Деп. полиции были разоблачены и стало известно, что «Вольное слово» издается на средства „Добровольной Охраны“, — писал Бурцев, — Драгоманов, как он сам мне говорил, с опасностью скомпрометировать себя, для того, чтобы спасти единственно существовавшую тогда за границей газету „Вольное Слово“, принял на себя ее редактирование. Свои сношения с издателями „Вольного слова“ Драгоманов вел главным образом через графа Шувалова... Решившись взять в руки скомпрометированную газету, Драгоманов надеялся сделать из нее независимый политический орган и повел его совершенно самостоятельно. От либеральных земцев он тогда систематически стал получать материалы о русском либеральном движении и об этом он с особым удовольствием говорил мне в 1888 г. Среди его корреспондентов были; если не ошибаюсь, Родичев и Петрункевич. Из эмигрантов у него работали: Присецкий, Гольдштейн, Волков, Цакни, некоторое время Аксельрод и др. В Добровольной Охране были не особенно довольны тем, как вел газету Драгоманов, да и окрепшая реакция ко времени коронации так подействовала на Шуваловых, что они потеряли интерес к „Вольному Слову“ и в половине 1883 г. перестали его поддерживать.

Эти связи Драгоманова с „Вольным словом“ я считал его большой ошибкой, но для меня его политическая независимость от Добровольной Охраны в редактировании „Вольного Слова“ была вне сомнения».¹¹⁴

Как видим, свидетельства Драгоманова о «Вольном слове» между собой расходятся. Тем не менее они позволяют предположить, что, с его точки зрения, значение «Вольного слова» для его

денций из России, и дорожил журналом, каков бы он ни был (конечно, в известных границах), лишь не эмигрантский. Но пока таких корреспонденций не вижу, а вижу, что они ищут сотрудников между нашим братом... Жинка теперь довольна явлению В. Сл., ибо есть заработок» (ЦГАЛИ, ф. 1019, оп. 1, д. 35, лл. 5—8).

¹¹⁴ В. Л. Бурцев. Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882—1922 гг.), т. I. Берлин, 1923, стр. 51—52. Выражаем свою признательность С. С. Волку, указавшему нам этот источник. Нам представляется, что Д. И. Заславский учитывал это сообщение Бурцева.

политических целей оправдывало уплаченную сотрудничеством с «Дружиной» цену.

Во всем предшествующем изложении мы полностью игнорировали самое письмо Драгоманова к Витте. Теперь обратимся к нему. В доказательство подложности письма высказывается мысль о том, что поскольку не установлен факт знакомства Витте и Драгоманова, переписка между ними невероятна.

Но обязательно ли такого рода переписке должно предшествовать личное знакомство? Ведь Драгоманов как будто бы не был до 1882 г. знаком ни с Мальшинским, ни с Шуваловым...

Мы не располагаем, помимо письма, сведениями о непосредственном знакомстве Витте и Драгоманова; однако такое знакомство не представляется невозможным.

И Витте, и Драгоманов были связаны с окружением киевского генерал-губернатора А. Р. Дрентельна, того самого, по поручению которого в бытность его управляющим III Отделением Мальшинский составил свой обзор революционного движения.

Витте, проживший около 20 лет в Одессе и в Киеве, имел там широкий круг знакомых, в том числе и среди демократической интеллигенции. К числу общих знакомых Витте и Драгоманова относился И. Я. Рудченко (Билик), украинский писатель и фольклорист и специалист в области финансов, назначенный Витте директором Департамента.

Против предположения о поддельности письма от 15 мая 1882 г. говорит, как нам кажется, его сюжетная и стилистическая общность с другими письмами М. П. Драгоманова. Сопоставим его с цитированным уже нами письмом к П. Б. Аксельроду, которое до 1924 г. оставалось не опубликованным и потому не могло служить образцом ни одному фальсификатору, какого только можно себе представить. В обоих этих письмах мы находим выраженное на разные лады сожаление Драгоманова о необходимости уделять свое время газетно-публицистической деятельности. В письме к Витте: «Прощай теперь и моя научная работа — публицист, газетчик иначе ко всему подходит, иначе все оценивает».¹¹⁵ В письме Аксельроду: «...лично желал бы прервать публицистику для других дел, мне очень интересных». Аналогичную мысль находим и в письме к И. Франко от 27 декабря того же 1882 г.: «...едва ношу голову из-за всяких хлопот, потому что я и нянька детская, и исследователь, и публицист, и переводчик, и корректор, и редактор, и экспедитор! Ну, да нечего уж про старое! К делу!».¹¹⁶ Продолжая сопоставление

¹¹⁵ Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово», стр. 168.

¹¹⁶ М. Драгоманов. Листи до Ів. Франка і інших, 1881—1886. Львів, 1906, стр. 15. Ср. также со следующей фразой из неотправленного письма М. Павлику около 10—15 октября 1883 г.: «Не говорю уже, что я

письма к Витте с письмом к Аксельроду, нельзя не отметить в этих письмах общности некоторых подчеркнутых нами выражений при том, что смысл в них вкладывался разный — в зависимости от степени осведомленности адресата. Так, Аксельроду Драгоманов писал: «В видах раздувания земского движения я и остаюсь в „В. С.“...». В письме же к Витте эта мысль выглядела хоть и иначе, но похоже: «З. С. касательно правдоподобности меня не беспокоит — уж Вы-то там сумеете его раздуть...». Аналогично по форме при полной противоположности смысла выражена в обоих письмах, по-видимому, волновавшая Драгоманова мысль о моральной ответственности за содержание «Вольного слова». В письме к Аксельроду: «...я по совести не буду краснеть ни за что, написанное мною в „В. Сл.“». В письме к Витте: «Давайте побольше начинки, тогда пирог можно подать к столу, не краснея. В. С. должно быть за П. П., как за стеной».

Разговорный стиль, в котором написано письмо к Витте, непринужденный, как бы облегченный, без строгой логической последовательности, с употреблением выражений почти что бытового характера, представляется нам характерным для многих писем Драгоманова. Это особенно относится к его письмам к Мальшинскому, приведенным Д. И. Заславским в его статье «М. П. Драгоманов и „Вольное слово“».

Составная подпись «Михманов», стоящая под письмом к Витте, представляется нам не менее вероятной, чем совсем уже неожиданные псевдонимы «К. Василенко» и «Леонид», которыми подписывался Драгоманов под письмами к Мальшинскому в Россию.¹¹⁷

Итак, письмо Драгоманова к Витте 15 мая 1882 г. не представляется нам подделкой. К сожалению, ни письмо Драгоманова к Витте, ни другие известные нам документы не позволяют ответить с полной определенностью на естественно возникающий вопрос о характере поведения Драгоманова перед дружинниками. Только ли прикидывался он идейным союзником «Дружины»? Или определенную роль здесь играло умелое использование ее представителями совпадения дружинных планов борьбы с «Народной волей» и отвлечения «украинцев от революционного централизма» со взглядами Драгоманова?

Можно предположить, что Драгоманов рассчитывал с помощью Шувалова или Воронцова-Дашкова добиться каких-то уступок от правительства в национальной политике на Украине. Интерес, который проявлял Шувалов к галицийской проблеме, мог дать почву для этих расчетов.

откладывая в сторону дорогие для меня литературные работы» (Переписка М. Драгоманова з М. Павлюком, т. IV, Чернівці, 1911, стр. 227—228).

¹¹⁷ См.: Д. Заславский. М. П. Драгоманов и «Вольное слово».

В переговорах, которые вел с Драгомановым «парламентер» «Дружины» Клименко, выдававший себя за земца Некрасова, обсуждался, в частности, вопрос об украинском языке.¹¹⁸

Все это, разумеется, лишь предположения о мотивах поведения Драгоманова. Одно несомненно: упорные настояния на заблуждениях Драгоманова, неизбежно предполагающие, что он был с легкостью обведен представителями «Дружины» вокруг пальца, и тем не менее считающиеся почему-то выгодными для его репутации, так же не соответствуют действительности, как и попытки игнорировать или отрицать дружинное происхождение «Вольного слова».

¹¹⁸ По словам Клименко, они согласились «относительно всех почти пунктов обыкновенной либеральной программы», а спор о преподавании в сельских школах на украинском языке кончился компромиссом — представить решение вопроса самим крестьянам (Отчет Клименко о поездке в Женеву и Париж. ЦГАДА, ф. 1228, оп. 1, д. 1309, лл. 30—37 об.). Кстати сказать, Мальшинский в январе 1881 г. подал на имя М. Т. Лорис-Меликова записку о влиянии введенных в 1876 г. ограничений употребления украинского языка на рост революционного движения. В ней он призывал применить в борьбе с «крамолой» «общие меры центральной власти» — не «репрессивного направления», а «прямо противоположные». В качестве одной из таких мер он предлагал отменить ограничения 1876 г., которые «могли казаться незаслуженным оскорблением целой народности» (ЦГАОР, ф. Д-3, ф. 102, ед. хр. 12/1881). Нам не известно, как относился Драгоманов к этой записке Мальшинского, знал ли он о ней. Об аналогичных обращениях к Лорис-Меликову Драгоманов отзывался с осуждением.